Светлов В Я

Культ САТАНЫ

1897

2 экз

ИНСТИТУТ ЛЕНИНА
БИБЛИОТЕКА
Ц520
С255

CULTE DE SATAN — Par Svetlov.

КУЛЬТЪ САТАНЫ

ЕРЕСІАРХЪ АМѲИЛОХІЙ

4620
C 255

В. Я. Свѣтлова.

ИЗДАНІЕ
М. К. ЭЛПИДИНА

CAROUGE (GENÈVE)
M. ELPIDINE, LIBRAIRE-EDITEUR
1897

2R3

К.

4520
С 255

института В. И. Ленина
№ 4158 411120
390-25

2011
У

ІЕРЕСІАРХЪ АМѲИЛОХІЙ

Въ 1867 году, въ Боголюбскомъ монастырѣ, во Владимірской губерніи, проживалъ нѣкій іеромонахъ о. Амѳилохій, пользовавшійся большимъ уваженіемъ не только самого настоятеля монастыря, архимандрита о. Аристарха и братіи, но и всѣхъ мѣстныхъ жителей и посѣтителей церковныхъ монастырскихъ службъ. О. Амѳилохій славился великимъ благочестіемъ, горячей вѣрой и большимъ, усерднымъ постничаньемъ; это былъ праведникъ, столпъ и слава монастыря: онъ былъ лично извѣстенъ московскому митрополиту Филарету и государю императору Александру II; императрица-же Марія Александровна благоволила къ нему особенно и всегда находила утѣшеніе въ его умной и сердечной бесѣдѣ, проникнутой искреннимъ религіознымъ чувствомъ и твердой вѣрой въ

незыблемость основъ православной церкви. Словомъ, молва о постникѣ Аѳонлохіи гремѣла не только по всей Владимірской губерніи, но и далеко за ея предѣлами.

До 1867 года о. Аѳонлохій жилъ тихо и мирно въ стѣнахъ монастыря, пребывая въ постѣ и молитвѣ, посѣщая всѣ ночныя и дневныя службы, а свободное время посвящая благочестивымъ размышленіямъ и чтенію божественныхъ книгъ. Но съ этого года въ жизни „блаженнаго“ іеромонаха замѣчается нѣкоторое колебаніе: среди монашествующей братіи стали носиться слухи, что смиренный о. Аѳонлохій самъ не прочь былъ-бы покинуть подчиненную роль монаха и сдѣлаться гдѣ-бы то ни было настоятелемъ. Сначала изумленная братія этому не вѣрила и относила происхожденіе этихъ слуховъ къ сплетнямъ, идущимъ отъ завистниковъ о. Аѳонлохія; но мало-по-малу пришлось дать вѣру росказнямъ, потому что онѣ становились все упорнѣе и упорнѣе, все настойчивѣе и настойчивѣе, а главное, ни въ какой мѣрѣ не опровергались самимъ іеромонахомъ. Собственно говоря ничего особеннаго въ этихъ слухахъ не было; какъ плохъ тотъ солдатъ, который не надѣется быть генераломъ, такъ и каждый монахъ въ глубинѣ души мечтаетъ сдѣлаться настоятелемъ, а такому выдающемуся іеромонаху каковымъ былъ о. Аѳонлохій, казалось бы и самъ

Богъ велѣлъ мечтать о настоятельствѣ... И если, слѣдовательно, слухи о мечтаніяхъ о. Аѳонлохія изумили братію, то отнюдь не своею несбыточностью или гордыней, а именно тѣмъ, что имъ странно было представить себѣ великаго постника и молчальника, всегда тихаго, скромнаго и увѣтливаго въ роли начальника, руководителя и карателя. Однимъ словомъ роль настоятеля обители вовсе не шла къ смиренному отцу, по мнѣнію монастырской братіи. Однако слухи объ этомъ не только не прекращались, а напротивъ, въ скорости, получили нѣкоторое весьма реальное основаніе.

Однажды, послѣ воскресной службы, о. Аѳонлохій, подошедъ къ о. настоятелю и низко преклонивъ голову, попросилъ у него аудіенціи. О. Аристархъ принялъ его у себя въ келіи и благосклонно выслушалъ его.

— Отче! воскликнулъ іеромонахъ: жажду подвига... Хощу потрудиться во славу божію, хощу *воздвигнуть* новый храмъ...

О. настоятель зорко посмотрѣлъ на говорившаго, обдумывая его слова и спрашивая себя: не тронулся ли о. Аѳонлохій отъ излишняго воздержанія въ пищѣ и усиленнаго ночнаго бдѣнія.

Но тотъ весьма обстоятельно и разумно продолжалъ:

— Отче! Въ трехъ верстахъ отселѣ, въ получасѣ

ходьбы отъ нашей обители, существуетъ древній, развалившійся отъ ветхости, храмъ во имя Покрова Пресвятой Богородицы... Отче! Душевно прошу исходатайствовать передъ кѣмъ будетъ слѣдовать о предоставленіи мнѣ права сбора пожертвованій на реставрацію этой церкви, построенной еще въ оныя времена св. Андреемъ Боголюбскимъ...

О. настоятель погрузился въ раздумье. Въ просьбѣ о. Аѳинлохія не было ничего предосудительнаго и мысль его возобновить древній памятникъ старины заслуживаетъ всякаго одобренія и поощренія; но самая просьба была произнесена такъ странно, что о, Аристархъ невольно смутился: голосъ просителя, всегда тихій и спокойный, на этотъ разъ нервно дрожалъ; взглядъ же его, всегда ровный и невозмутимый, какъ-то странно избѣгалъ зоркаго взгляда настоятеля и старался глядѣть въ сторону. Походило на то, какъ будто проситель говорилъ не то, что у него было въ умѣ, или, по крайней мѣрѣ, старался не высказываться во всемъ объемѣ и боялся глядѣть въ глаза настоятелю, чтобы тотъ не прочелъ его тайной мысли. Кромѣ того, онъ весь такъ волновался, такъ подергивалъ шеей и трясъ руками, что все это не только не ускользнуло отъ о. Аристарха, но весьма непріятно удивило его. Онъ предался размышленію и ничего не отвѣчалъ просителю.

— Такъ какъ же, отче? не выдержалъ о. Аѳинлохій: благослови потрудиться для ради славы Пречистой Владычицы...

Волненіе, съ которымъ онъ говорилъ, такъ не шло къ нему, всегда невозмутимому, ровному и спокойному, что о. Аристарха взяло сомнѣніе и онъ, рискуя обидѣть просителя, положивъ ему на плечо свою руку, кротко сказалъ:

— Точію-ли радѣешь о славѣ Матери Божіей и святой церкви? Внимательно-ли изслѣдовалъ глубины души своея? Не мятежное-ли чувство всколыхало ее? Не гордыня-ли обуяла ее? Лукавый всячески ухищряется возобладать грѣшной душой человѣческой... Врагъ человѣческій не рѣдко, чтобы смутить и соблазнить намѣченную имъ праведную душу облекаетъ соблазнъ въ наружно благочестивыя формы... Подумалъ ли о семъ?

Говоря это о. настоятель смотрѣлъ прямо въ глаза просителю, настойчиво уловивъ его взоръ и замѣтивъ, что при словахъ „лукавый“ и „врагъ человѣческій“, онъ сильно вздрогнулъ, поблѣднѣлъ въ лицѣ и чуть пошатнулся.

— Нѣтъ, отче! вяло отвѣтилъ онъ: ничего подобнаго нѣту... Душа моя чиста и къ подвигу хощу приступить со страхомъ и трепетомъ...

— Пусть такъ! отвѣтилъ ему настоятель. Буду хлопотать, буду ходатайствовать. Не буду чинить тебѣ препятствій. Попрошу разрѣшенія и благосло-

венія нашего архипастыря, ну, а тамъ, что Богъ дастъ... А ты, о. Аѳанлохій, видно сильно усталъ: дрожишь и еле держишься на ногахъ; ступай, прилягъ—должно быть всю ночь провелъ на молитвѣ...

При этихъ словахъ проситель опять вздрогнулъ и поклонившись настоятелю, медленно направился къ двери.

Слухъ объ этомъ посѣщеніи настоятеля и просьбѣ монаха быстро распространился по монастырю. Теперь уже никто не сомнѣвался въ истинности подтвердившихся слуховъ. Однако въ своей просьбѣ о. Аѳанлохій ни единымъ словомъ не обмолвился о своемъ настоятельствѣ, а говорилъ только о сборѣ пожертвованій; но всякому было понятно, что разъ ему удастся собрать на возобновленіе храма извѣстную сумму, то именно его и назначатъ настоятелемъ онаго. Монахи, заинтересованные всей этой исторіей, начали ее обсуждать между собою; припоминали случаи изъ жизни о. Аѳанлохія, ходившіе о немъ разсказы достовѣрные и апокрифическіе; подвергали не совсѣмъ безпристрастной критикѣ его поведеніе, въ особенности послѣдняго времени; говорили, что онъ сильно измѣнился, конечно, къ худшему: что онъ сдѣлался нелюдимымъ и страннымъ; что на душѣ его завелась тайна; что взоръ его, кроткій и увѣтливый, теперь избѣгаетъ людскихъ глазъ и въ немъ мерцаютъ порой странные огоньки.

Часто видѣли его бродящимъ вдали отъ монастыря, въ мѣстахъ пустынныхъ и дикихъ, мрачныхъ и унылыхъ. Видѣли какъ онъ ходилъ тамъ, низко понуря голову, смущаясь при малѣйшемъ шорохѣ, вздрагивая отъ шума листьевъ или сухого треска вѣтви, на которую самъ онъ наступилъ, и избѣгая встрѣчъ съ людьми и, особенно, съ своей братьею, монахами.

Церковь Покрова была построена Андреемъ Боголюбскимъ на посмныхъ лугахъ, при сліяніи рѣкъ Нерли и Клязьмы, на очень низкомъ топкомъ мѣстѣ. Много преданій ходило объ этой церкви въ народѣ и, между прочимъ, разсказывалось о томъ, что какъ бы высока вода ни была, — церковъ оставалась неприкосновенною: вокругъ нея всюду вода, а внутрь она не заходитъ. Церковь эта, одноглавая, ввидѣ часовни, была построена по одному типу съ извѣстнымъ Владимірскимъ Дмитріевскимъ соборомъ, воздвигнутымъ тоже Андреемъ Боголюбскимъ, какъ и Боголюбскій монастырь, въ которомъ о. Аѳанлохій пробылъ около двадцати лѣтъ, пройдя въ немъ всѣ ступени и дойдя до сана іеромонаха. Никто не присутствовалъ при разговорѣ, происходившемъ между настоятелемъ и о. Аѳанлохіемъ, однако какъ-то всѣ уже знали всѣ подробности этого разговора и обратили особенное вниманіе на одну странность: о. Аѳанлохій просилъ о реставраціи, о возобновленіи, а

употребилъ въ просьбѣ, неподходящее слово „воздвигнуть новый храмъ“. Была-ли это обмолвка или это было сказано умышленно? Это было предметомъ разныхъ догадокъ. Несомнѣнно у о. Аѳанасія было среди братіи немало завистниковъ, которые съ трудомъ прощали ему его популярность и расположеніе къ нему такихъ высокихъ лицъ, какъ настоятеля и владимірскаго архіепископа... и вотъ эти-то завистники, руководимые особенно нерасположеннымъ къ нему монахомъ Павломъ, учредили за нимъ негласный надзоръ и тщательно собирали въ свою кошницу все, что только могло навести на малѣйшее сомнѣніе въ праведной его жизни. Но въ послѣднее время и вся монашествующая братія, независимо отъ завистниковъ и о. Павла, стала замѣчать за нимъ странности...

Въ XII столѣтіи пришелъ въ то мѣсто, гдѣ въ настоящее время находится монастырь, Андрей Боголюбскій, великій князь всея Россіи; онъ пришелъ изъ Суздаля, который былъ его великокняжеской столицей. Здѣсь, онъ остановился со своими людьми и пробылъ втеченіе всего лѣта. Здѣсь-же имъ была написана икона „боголюбивой Божьей Матери“, которая была изображена въ „стоячемъ положеніи,

молящейся ко Христу“. Она была написана въ настоящую величину, и именно таковою, какъ явилась ему, однажды, лѣтнею ночью, въ вѣщемъ снѣ. Въ мѣстѣ этого сна воздвигся монастырь, ставшій съ того времени, лѣтней резиденціей великаго князя; впослѣдствіи, изъ этого монастыря, онъ заложилъ въ десяти верстахъ отъ обители новую столицу Владиміръ. Съ этихъ-то стародавнихъ временъ Боголюбскій монастырь съ его иконою Богоматери, ставшею чудотворной, сдѣлался почитаемымъ среди народа. Икона-же со временъ великокняжескихъ и по сіе время, съ разрѣшенія св. синода, развозится по всѣмъ городамъ, по требованію оныхъ. Требованія бываютъ такъ велики, что монастырь вынужденъ былъ заказать пять копій съ иконы, которыя и посылаются въ сосѣдніе города, когда подлинная икона находится въ отсутствіи. Жители Владимірской губерніи, а также и сосѣднихъ, съиздавна много жертвовали монастырю и богатства его дошли до весьма крупныхъ размѣровъ: въ настоящее время у него считается около 500 т. годоваго дохода. Главный „отвозъ“ иконы приходится на 21 Мая, къ празднику Константина и Елены, во Владиміръ, куда, въ этотъ „ходъ“ стекается сотни тысячъ народа изъ всевозможныхъ, часто отдаленныхъ губерній. Выходитъ она изъ монастыря 20 Мая и ночуетъ по дорогѣ въ селѣ Добромъ, въ которомъ находится

церковь, выстроенная все тѣмъ-же благочестивымъ ревнителемъ Андреемъ Боголюбскимъ и храмовой праздникъ которой приходится тоже на 21 число. Въ 1849 г. случилось огромное несчастіе во время хода иконы. На Московскомъ нижнемъ шоссе рухнулъ мостъ; какъ только прошла икона, толпа двинулась всей своей массой на мостъ, имѣвшій 12 саж. длины: онъ сломался посерединѣ и провалился подъ угломъ. Подъ мостомъ очутилось до полуторы тысячи человѣкъ, было много тяжело увѣчныхъ и убитыхъ; напоръ толпы былъ такъ великъ, что мостъ снесло на 7 саженъ. Икона остановилась. Когда волненіе успокоилось, шествіе снова двинулось впередъ, при пѣніи тропаря: „Величаемъ тя, пресвятая Дѣва и чтемъ образъ твой святый, его же пріятъ благовѣрный князь Андрей, на враги въ побѣду и всѣмъ вѣрнымъ во спасеніе“ ...

Послѣ этого печальнаго случая никакихъ уже происшествій во время отъѣздовъ иконы не было, впредь до достопамятнаго дня, когда о. Аѳанасій вернулся отъ настоятеля и вошелъ для чего-то въ полутемную церковь. Монахъ, завѣдывавшій продажей свѣчей, считавшій выручку, удостовѣрялъ, будто-бы самъ слышалъ гласъ, исходившій отъ упомянутой чудотворной иконы и вѣщавшій: „Отче Аѳанасій опомнись“ ... Этотъ гласъ будто-бы такъ подѣйствовалъ на того, къ кому былъ обращенъ, что

онъ упалъ на земь и бился долгое время въ конвульсіяхъ, а свѣчникъ со страху и перепугу убѣжалъ, бросивъ на произволъ судьбы выручку ...

На одной изъ стѣнъ монастыря до сихъ поръ показываютъ любопытнымъ кровавые слѣды пальцевъ: за эти стѣны хватался святый Андрей Боголюбскій, спасаясь отъ преслѣдовавшихъ его убійцъ; но и убѣжище святой обители не спасло его; онъ былъ убитъ своими родичами. Убійцъ его осудили и приговорили къ лютой казни: ихъ живыми заключили въ короба — родъ дубовыхъ гробовъ — и пустили эти короба на воду въ такъ называемое Поганое озеро, находящееся въ семи верстахъ отъ г. Владиміра, по правую сторону рѣки Клязьмы. Эти семь коробовъ, обросшіе мохомъ, до сихъ пора плаваютъ на озерѣ, которое считается нечистымъ и вся мѣстность кругомъ проклятою. Суевѣрные жители стараются всячески обходить и объѣзжать его, а ужъ по вечерамъ развѣ только экстренная необходимость заставитъ запоздавшаго путника пройти или проѣхать по берегу Поганаго озера. И вотъ, въ этомъ то непотребномъ мѣстѣ эти запоздавшіе путники видѣли о. Аѳанасія, уныло бродившаго съ понурой головою и убѣгавшаго при малѣйшемъ шумѣ приближавшагося экипажа.

Но всѣ эти странные и даже невѣроятные разсказы, надо полагать, создались впослѣдствіи, post

factum, когда разразилось удивительное происшествіе, о которомъ собственно и будетъ рѣчь въ этомъ разсказѣ. Происходи всѣ эти слухи съ о. Аѳинлохіемъ *до* его просьбы къ настоятелю, то конечно ему-бы ни за что не получить надлежащаго разрѣшенія; невѣроятно, чтобы всѣ эти слухи, при готовности завидующей братіи навредить нелюбимому іеромонаху, не дошли своевременно до слуха о. настоятеля или даже владимірскаго преосвященнаго... Такъ какъ этого не случилось и все съ внѣшней стороны, по крайней мѣрѣ, обстояло благополучно, то просьбѣ о. Аѳинлохія данъ былъ ходъ: архіерей разрѣшилъ просителю обратиться за надлежащимъ дозволеніемъ въ св. синодъ, а съ своей стороны къ этому разрѣшенію присовокупилъ ходатайство отъ своего имени и лестный отзывъ, полный хвалы о просителѣ.

Какъ бы то ни было, о. Аѳинлохій, заручившись необходимыми документами, отправился въ Петербургъ. Что онъ тамъ дѣлалъ — осталось до сихъ поръ въ точности неизвѣстно; достовѣрно только одно, что онъ получилъ разрѣшеніе отъ синода и удостоился быть принятымъ государемъ и государыней; доходили слухи, что онъ всѣхъ обворожилъ въ

столицѣ: это былъ большого ума человѣкъ, говорилъ онъ краснорѣчиво и дѣльно и велъ въ столицѣ жизнь праведника и безсеребренника. Говорили, потомъ уже, что будто-бы онъ посѣщалъ какихъ-то темныхъ личностей и странныя, недозволенныя по его сану, мѣста, но сколько тутъ было правды и сколько лжи — неизвѣстно. Извѣстно-же то, что о. Аѳинлохій вернулся въ свою епархію. Въ короткое время онъ успѣлъ собрать весьма значительную сумму, и возвратясь, представилъ ее начальству въ количествѣ болѣе ста тысячъ рублей.

Этихъ денегъ было, конечно, черезчуръ много для одной реставраціи церкви; ее отдѣлали заново, укрѣпили, украсили и отъ всѣхъ этихъ расходовъ осталась еще значительная сумма. Тогда о. Аѳинлохій выступилъ съ новой просьбой: онъ испрашивалъ разрѣшеніе на оставшуюся сумму воздвигнуть монастырь. Это ходатайство было столь внезапно, что застало духовныя власти врасплохъ; къ своему прошенію о. Аѳинлохій приложилъ въ высшей степени оригинальный и прекрасно, детально разработанный планъ обители. По этому плану предполагалось устроить обитель на томъ-же низкомъ мѣстѣ, на которомъ стояла возобновленная теперь церковь Покрова. Она должна была, по проэкту, быть окружена въ саженяхъ двадцати-тридцати высокой, каменной оградой-стѣной, совершенно глухой, безъ всякихъ

входовъ и выходовъ снаружи. Во внутреннихъ-же стѣнахъ, обращенныхъ къ церкви, предполагалось со всѣхъ сторонъ, въ два этажа устроить кельи. Для того-же, чтобы входить въ монастырь и уходить изъ него, проэктировались двигающіяся на шалнерахъ, подымающіяся и опускающіяся, приставныя лѣстницы. Проэктъ и планъ были конечно странны, но составлены такъ умѣло и остроумно и, вмѣстѣ съ тѣмъ, такъ выгодно, что понравились начальству, которое и принялось опятъ хлопотать о надлежащемъ разрѣшеніи.

Когда всѣ инстанціи были пройдены и разрѣшеніе получено, о. Аѳинлохій принялся за постройку, которую ему поручили, подъ наблюденіемъ архитектора.

Скитъ выросталъ съ изумительной быстротой и дешевизной. Масса матеріаловъ, какъ-то кирпичъ, известь, лѣсъ и пр. откуда-то присылались и жертвовались неизвѣстными. Видя такой успѣхъ и зная о. Аѳинлохія за вполнѣ благонадежнаго, благочестиваго и ревностнаго монаха, начальство назначило его, по его-же опять просьбѣ, настоятелемъ новаго скита, подъ непосредственнымъ наблюденіемъ, однако, о. настоятеля Боголюбскаго монастыря.

Новый настоятель переселился въ только что воздвигнутую обитель, собралъ себѣ братію, пока въ небольшомъ количествѣ, и началъ въ церкви Покрова каждодневное служеніе.

Такъ длилось долгое время; все шло, повидимому, своимъ порядкомъ; никто, въ сущности, не интересовался узнать, что дѣлается внутри скита, какъ складывается тамъ жизнь, чинно ли отправляется тамъ богослуженіе; „наблюденіе“ о. Аристарха было чисто номинальнымъ и ничѣмъ не выражалось, а между тѣмъ тамъ творились необыкновенныя вещи.

Аѳинлохій оказался самымъ ужаснымъ изъ богохульниковъ и исповѣдывалъ поклоненіе Дьяволу. Исторія эта осталась до сихъ поръ довольно темной; несомнѣнно лишь одно, что у него должны были быть соумышленники и сочувственники среди петербургскихъ жителей, у которыхъ онъ собралъ столько денегъ въ короткій срокъ и среди мѣстныхъ горожанъ, потому что иначе онъ не могъ бы такъ долго держать въ тайнѣ свою приверженность къ Сатанизму.

Въ церкви, на самомъ алтарѣ божіемъ, совершались Аѳинлохіемъ возмутительныя кощунства, богохульство и святотатство: онъ служилъ такъ называемую черную обѣдню Сатанѣ. Присутствующіе кадили во время этой службы изъ кадильницъ, въ которыхъ тлѣли разныя пахучія травы, съ одурящими запахами: сонная одурь (belladona), донской можжевельникъ (salin) и пр. На алтарѣ горѣли черныя свѣчи и Аѳинлохій въ рясѣ, одѣтой прямо на обнаженное тѣло взывалъ къ Сатанѣ и къ кня-

зьямъ тьмы, составляющимъ его „соборъ“: Вельзевулу, Асмодею, Молоху, Бальфегору и др. Затѣмъ онъ совершалъ дерзкое святотатство надъ св. Дарами, послѣ того какъ полагалъ, что съ ними совершилось пресуществленіе. Онъ выливалъ содержимое чаши на полъ передъ престоломъ и топталъ его въ дикомъ и безумномъ изступленіи, ногами, выкрикивая ругательства и кощунства...

Это было настоящее возмущеніе противъ нравственности и религіи. Достоевскій, въ „Дневникѣ Писателя“, разсказываетъ фактъ, какъ одинъ крестьянинъ выстрѣлилъ въ св. Дары, съ единственною цѣлью поступить „сколь возможно дерзостно„. Очевидно этотъ крестьянинъ былъ человѣкомъ, глубоко вѣровавшимъ, потому что нельзя оскорблять то, что не имѣетъ никакой цѣны, то, чему не поклоняешься, во что не вѣришь, но это, вмѣстѣ съ тѣмъ, былъ человѣкъ отпавшій, возмутившійся, если можно такъ выразиться, анархистъ религіи. Онъ извѣрился въ силу добра, онъ возмутился противъ безсилія добра, безсилія вѣры; онъ увидѣлъ, что въ мірѣ зло сильнѣе добра — и вотъ ему пришла стихійная идея поклоняться этому злу и источнику его Сатанѣ; ренегаты всегда отличаются крайностями и сугубой ненавистью къ предмету своего прошлаго культа; и вотъ, поклонники Сатаны начинаютъ свой новый культъ съ оскорбленія стараго. Когда и гдѣ случился

переворотъ съ Аѳонлохіемъ, осталось невыясненнымъ; но это была личность возмущенная, несомнѣнно анархическая и, вмѣстѣ съ тѣмъ вѣрующая: если-бы онъ не вѣрилъ во Христа, онъ бы не могъ оскорблять его и если-бы онъ не вѣрилъ въ Сатану, онъ не служилъ бы ему „черныхъ мессъ“. Впрочемъ, когда вся эта исторія всплыла наружу и дѣло начало выясняться, то многіе изъ владимірскихъ властей и большинство изъ обывателей склонны были видѣть въ Аѳонлохіѣ исключительно помѣшаннаго человѣка. Но это было невѣрно.

Разыгралась-же вся эта исторія слѣдующимъ образомъ: до настоятеля боголюбскаго монастыря стали доходить совершенно необыкновенные слухи. Монахъ Павелъ доносилъ, что въ Покровской обители совершаются безчинства, непотребности и всякаго рода поношенія; что службу отправляютъ тамъ не по чину и положенію, а по старообрядчески. Зная зависть Павла къ о. Аѳонлохію, о. настоятель не придавалъ вѣры всѣмъ этимъ извѣтамъ и доносы оставлялъ втунѣ, будучи твердо увѣренъ въ благочестіи Аѳонлохія; но, когда слухи стали доходить и съ другихъ сторонъ и изъ другихъ источниковъ, то ему поневолѣ пришлось отнестись къ нимъ внимательнѣе, а

наконецъ послѣдовалъ запросъ и отъ архіерея, Тогда о. Аристархъ рѣшилъ провѣрить слухи; для сего приказалъ онъ своимъ послушникамъ, чтобы они давали ему немедленно знать лишь только услышатъ благовѣстъ къ какой-нибудь службѣ изъ обители и по первому-же благовѣсту готовить лошадей. Въ монастырѣ имѣлось шестнадцать паръ чудныхъ лошадей, служившихъ для „отвоза“ по губерніямъ чудотворной иконы „Боголюбской Божьей Матери“. О. Аристархъ, готовый къ часу отъѣзда, при первомъ ударѣ благовѣста, садился въ тарантасъ, запряженный тройкой и отправлялся въ Покровскую обитель, во всю скачь.

По пріѣздѣ туда и по дачѣ ясака *), онъ входилъ въ церковь и къ немалому смущенію своему всегда заставалъ службу почти оконченною: священнослужитель выходилъ съ крестомъ или благословеніемъ; о. Аристархъ никогда не находилъ въ церкви болѣе десяти-пятнадцати человѣкъ посторонней публики и нѣсколько человѣкъ братіи. Лица-же прихожанъ всегда были одни и тѣже, такъ что примелькались ему. Въ томъ, что о. Аристархъ никогда не заставалъ службы, ничего не было удивительнаго: Амѳилохій зналъ, что за нимъ слѣдятъ, а потому службу начиналъ раньше благовѣста и становилъ на

*) Звонокъ у дверей.

стѣнѣ обители вѣрнаго человѣка, который, завидя издали облачко пыли, кричалъ:

— Ѣдетъ!

Тогда присутствующіе скрывались по кельямъ, въ церкви все приводилось въ порядокъ и служеніе оканчивалось благочинно, какъ будто ничего предосудительнаго не было.

Такъ продолжалось до праздника Покрова.

Въ этотъ день, по изстари заведенному обычаю, служба въ Покровскомъ храмѣ совершалась всею начальствующею братіею Богольюбовскаго монастыря. Всѣ съѣхались къ назначенному часу въ новую обитель, куда изъ сосѣднихъ мѣстъ стекался и народъ, очень чтившій этотъ храмовой праздникъ. Архіерей, находившійся въ эту пору на успокоѣ въ монастырѣ, тоже прибылъ въ обитель. Началась служба. Въ началѣ обѣдни, во время облаченія архіерея, Амѳилохій, какъ младшій изъ священнодѣйствующихъ, долженъ былъ совершать проскомидію.

И вдругъ, въ алтарѣ начался шумъ, крикъ, неистовства. Амѳилохій призывалъ Сатану, „святого“ Іуду, изрыгалъ неистовыя богохульства, раздробляя просѳоры, и агнца, разбрасывая частицы того и другого по алтарю и полу и съ „великимъ поношеніемъ“ и дикими криками топча ихъ и плюя на нихъ.

Кое-какъ усмиривъ и разоблачивъ его, связали

веревками и отправили въ городъ. Служба по маломъ времени продолжалась.

Аѳонлохія отправили во Владимірскій домъ для душевнобольныхъ; это было тотчасъ-же послѣ праздника Покрова, на другой день, утромъ; ночь же онъ провелъ въ кельѣ, подъ карауломъ. Въ домѣ душевнобольныхъ онъ былъ помѣщенъ въ отдѣльной камерѣ, какъ буйный и вредный больной; вслѣдъ за нимъ явился настоятель Боголюбовскаго монастыря и заявилъ смотрителю богоугодныхъ заведеній, въ вѣдѣніи котораго состоялъ домъ, чтобы за новопривезеннымъ имѣли нарочный присмотръ и не пускали бы къ нему никого изъ постороннихъ.

Сначала это исполнялось въ точности, но съ теченіемъ времени надзоръ пришелъ въ ослабленіе и къ содержимому стали допускать посѣтителей. И посѣщали его многіе люди, большею частью женщины; входили къ нему съ плачемъ, рыданіемъ и мольбами. Когда-же имъ сторожа чинили препятствія, то женщины доходили до начальства и оглашали пріемную комнату воплями:

— На одну секундочку допусти! Повидать бы его, да поблагословиться... Ничего нѣтути только просвирка... допусти, кормилецъ...

По слабости смотрителя ихъ допускали, хотя и производили предварительно строжайшій обыскъ.

Втеченіе цѣлаго мѣсяца Аѳонлохій питался исключительно этими просфорами и запивалъ ихъ водой, отказывался отъ всякой другой пищи, полагавшейся отъ заведенія и жилъ тихо и чинно.

При каждодневномъ посѣщеніи его смотрителемъ, усматривалось, что стѣны и полъ его комнаты были всегда разрисованы углемъ или отлупившимся кускомъ извести. Рисунки эти изображали церкви, кельи, убранства алтарей и пр. довольно искусно; однако соблазнительнаго въ этихъ изображеніяхъ ничего не было. Онъ велъ себя смирно и даже распѣвалъ псалмы и другія духовныя пѣсни.

Тѣмъ не менѣе, въ концѣ октября, улучивъ минуту во время ужина, онъ незамѣтно вышелъ въ корридоръ и... скрылся.

Было 8 часовъ вечера и ночь стояла темная, осенняя, ненастная. Назначены были поиски: искали во Владимірѣ, въ окрестностяхъ, по линіи тогда уже существовавшей желѣзной дороги; поиски эти, предпринятые домашними средствами успѣха не имѣли. Тогда испуганное начальство дома душевнобольныхъ донесло губернатору, который, сдѣлавъ начальству выговоръ, разрѣшилъ надзирателю дома Петрову производить розыски при содѣйствіи мѣстной полиціи. Опять кинулись искать по окрестнымъ селамъ, и по станціямъ Московско-Нижегородской желѣзной дороги. И наконецъ, вышеупомянутый Петровъ нашелъ Аѳонлохія въ пригородѣ, на самой глухой

окраинѣ Владиміра. Его нашли въ потаенной, отдаленной комнатѣ одного изъ притоновъ-кабаковъ.

Когда завсегдатаи кабака услыхали приближеніе полиціи, то произошелъ переполохъ, слишкомъ очевидный, чтобы не догадаться, что тутъ дѣло не чисто.

Полиція, понятые и Петровъ вошли въ заведеніе.

Хозяинъ сразу выдалъ себя, ставъ оправдываться:

— Никого у меня нѣтути... одна напраслина.. Притоновъ не держу, краденнымъ не торгую... и не укрываю бѣглыхъ...

— А тамъ у тебя что? спросилъ полицейскій, указывая на низенькую дверь.

— Тамо? смутился кабатчикъ. Ничаво. Складъ. То есть вродѣ какъ бы кладовой. Кладовушка и ничего болѣе.

— Ладно! Открой.

Кабатчикъ смутился и сталъ нести околесную.

— Ребята! приказалъ полицейскій: вышибай двери!

Дверь высадили и смущеннымъ зрителямъ представилось слѣдующее зрѣлище: на постели лежалъ Аѳоилохій въ совершенно пьяномъ видѣ, облаченный въ полное архіерейское облаченіе съ архіерейскими регаліями (панагія, посохъ и пр.); надъ регаліями было совершено очевидное поношеніе: посохъ лежалъ крестомъ у ногъ Аѳоилохія, панагія

была надѣта на спинѣ и пр. Тутъ же на столѣ стояла стклянка водки съ недоѣденной просфорой.

Его разоблачили и отправили вторично въ сумашедшій домъ, гдѣ и содержали подъ строжайшимъ надзоромъ.

Между тѣмъ слѣдствіе, наряженное надъ нимъ кое-что выяснило.

Дѣло въ томъ, что вокругъ монастыря были расположены большія торговыя села: Добринское, Вославное, Ославское, Боголюбово (желѣзнодорожная станція) и Лемешки („идетъ дьячекъ изъ Лемешекъ, несетъ мѣшокъ лепешекъ"); въ этихъ селахъ ютились раскольники и исповѣдники всякаго рода сектъ. Эти-то сектанты и были обычными посѣтителями церкви Покрова и обители; у нихъ издавна завязаны были сношенія съ Аѳоилохіемъ и слѣдствіе дозналось, что онъ посѣщалъ ихъ въ ихъ селахъ; онъ же успѣлъ совратить многихъ въ сатанизмъ; они-же помогли ему при помощи столичныхъ своихъ однодумцевъ собрать столь крупную сумму. Въ первыхъ трехъ селахъ Аѳоилохіемъ-же были выстроены четыре дома-капища и при этихъ домахъ состояли и въ нихъ жили три его любовницы съ прижитыми имъ отъ нихъ семью дѣтьми; въ пригородномъ кабакѣ, въ день поимки Аѳоилохія, его адепты праздновали бѣгство его изъ сумашедшаго дома и посвящали его въ санъ „архіерея сатаны".

Продолжительное пребываніе въ сумашедшемъ домѣ не обнаружило никакой ненормальности въ мозговыхъ прецессахъ Аѳонлохія; и такъ какъ сумашествія у него обнаружено не было, то его предали духовному суду и выписали изъ больницы, отправивъ въ Суздальскій Спасо-Ефимовъ монастырь (Суздаль монастырь), въ которомъ имѣютъ пребываніе всѣ духовные и монашествующіе преступники, отбывающіе наказаніе и отданные подъ начала.

Такъ Аѳонлохій и окончилъ свою странную и темную жизнь въ Суздаль-монастырѣ, въ 30-ти верстахъ отъ г. Владиміра. Онъ умеръ 60-ти лѣтъ, до самаго дня смерти сохранивъ живые, энергичные глаза, взглядъ коихъ былъ полонъ озлобленія и ненависти къ окружающимъ. Какой процессъ совершился въ душѣ этого монаха, крестьянина родомъ, этого постника, этого убѣжденнаго христіанина, заставившій его такъ круто и рѣзко измѣнить своей вѣрѣ — этого, конечно, ни одно слѣдствіе открыть не могло-бы.

В. Свѣтловъ.